

Деградация и реабилитация историко-архитектурного наследия: функционально-типологический подход¹

Статья построена как проверка выведенной логическим путем гипотезы о функционально-смысловом характере процессов деградации и реабилитации историко-архитектурных объектов с помощью эмпирических данных по отдельным проектам реабилитации. Выведено определение понятия «деградация историко-архитектурного объекта», приведены направления оценки этого состояния объектов архитектуры. Рассмотрены экономический и экологический аспекты реабилитации историко-архитектурных объектов.

Ключевые слова: историко-архитектурный объект, историко-архитектурное наследие, деградация, реабилитация, функция, критерии деградации.

BYSTROVA T. Yu.

DEGRADATION AND REHABILITATION HISTORICAL AND ARCHITECTURAL HERITAGE: A FUNCTIONAL-TYPEOLOGICAL APPROACH

The article is constructed as a verification of the derived by logical means hypothesis about the functional-semantic nature of the processes of degradation and rehabilitation of historical and architectural objects using empirical data on individual rehabilitation projects. The definition of the notion «degradation of a historical and architectural object» is derived, and directions for assessing this state of architectural objects are given. The economic and environmental aspects of the rehabilitation of historical and architectural sites are considered.

Keywords: historical and architectural object, historical and architectural heritage, degradation, rehabilitation, function, criteria for degradation.



**Быстрова
Татьяна
Юрьевна**

доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет, Российская Федерация. Главный научный сотрудник, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» УралНИИпроект. Российская Федерация
e-mail: taby27@yandex.ru

Далеко не все здания... находятся под охраной государства, однако это не может служить поводом к их уничтожению.

...На повестке дня понимание ценности исторической субстанции, конструкций самых разных эпох, в том числе относительно недавних.

С. Чобан [11]

Негативные социально-экономические, культурные, демографические тенденции развития малых городов России ставят вопрос поиска механизмов оптимизации их состояния.

Одним из них может быть целенаправленная профессиональная работа с историко-архитектурным наследием. При этом речь идет не об отдельных объектах, имеющих соответствующий статус, а обо всем комплексе исторических построек — зданиях разных типов, от культовых

до заводских, от частных особняков до складов, магазинов, вокзалов и т. п., не обязательно имеющих статус памятников. В разных регионах и малых городах разнятся не только состояние этих объектов и комплексов, но и отношение к ним со стороны администраций, населения, предпринимателей, туристов. Как правило, объекты не объединены в какую-то территорию с общей социокультурной и градостроительной функцией; они дискретны, используются «как повелось» или не используются вовсе; их социально-экономический потенциал в отношении малого города в целом реализуется недостаточно. Между тем, особенно в малых городах, именно они составляют ядро города и его идентичности, а значит, при соответствующей доработке и реабилитации, могут быть

¹ Работа выполнена по плану ФНИ на 2019 г. при поддержке РААСН и Минстроя России в соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг., Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

«точками роста» города, поскольку уже выступали ими когда-то.

Имеющийся опыт убеждает, что система объектов историко-архитектурного наследия способна объединить и вывести на качественно новый уровень остальные территории и функциональные зоны.

Отсюда целью статьи является анализ опыта реабилитации деградировавших историко-архитектурных объектов, на основе которого можно вывести составляющие и критерии этого процесса. Статья построена как проверка выведенной логическим путем гипотезы о функционально-смысловом характере процессов деградации и реабилитации с помощью эмпирических данных по отдельным проектам реабилитации историко-архитектурных объектов.

Термин «деградация» достаточно нов для теории и связан, прежде всего, с состоянием природных объектов, используется представителями разных дисциплин и, в силу этого, неоднозначен. Так, «деградировавшая земля — это земля, которая потеряла некоторую степень своей естественной продуктивности из-за антропогенных процессов. Однако единого международно-признанного определения «деградировавшая земля» не существует» [14]. Примерно в том же смысле он употребляется в [8] авторами, говорящими о необходимости консервации земель в городе для сохранения местных флоры и фауны. Но значение слова не исчерпывается физическими смыслами. Например, в России XVIII в. оно означало потерю социального статуса. Прежде, чем ниже будет определено его содержание, нужно объяснить целесообразность его применения к архитектуре.

Состояние объектов культурного наследия России в настоящее время можно оценить как критическое. Как отмечал еще в 2004 г. П. М. Шульгин, «государство несет ответственность за сохранение культурного наследия: 25 тысяч из 80 тысяч памятников имеют федеральный статус... Однако финансовые возможности государства позволяют обеспечить выполнение этой задачи на примерно 10% минимальной ответственности» [3]. Не каждый историко-архитектурный объект является памятником, но каждый — хранителем социальной памяти и культуры. Существующая иерархия статусов объектов, когда «памятник» как будто бы чем-то выше или значимее «непамятника», зачастую вредит, а не помогает их сохранению.

При этом в 2010-х гг. 50–70% находящихся на государственной охране памятников истории и культуры «находятся в неудовлетворительном состоянии, для большей их части необходимы безотлагательные меры по защите от разрушения, повреждения и уничтожения» [2, 3]. Налицо недооценка значимости объектов исторического наследия, не входящих в число «топовых», со стороны горожан, администраций, туристов.

Тревожные факты не замалчиваются, возможно, поэтому парадигма работы с историко-архитектурным наследием довольно быстро меняется. От консервации специалисты переходят к превентивным мерам, а сами объекты рассматривают не как требующие затрат на поддержание, а как приносящие различные выгоды людям и территориям. Так, с 2005 г. Совет Европы формулирует концепцию «активной защиты» материальных и нематериальных культурных ценностей [13]. Аналитики П. Л. Сакко и П. Персико отмечают, что, «хотя в настоящее время очевидно, что культурное наследие является центральным элементом идентичности и памяти, гораздо менее очевидным является признание его важности в процессе создания ценностей» [13]. С одной стороны, мы видим, что здесь снова подчеркивается именно *ценность*, т. е. отношение различных групп людей к наследию. С другой стороны, очевидно, что процессы, связанные с наследием, перестают рассматриваться как автономные, речь идет об «эволюционном потенциале» наследия, который способен повлиять на все стороны жизни, от среды обитания до культуры.

Понятие «деградация» применительно к культурному наследию введено Конвенцией ООН об охране нематериального культурного наследия от 17.10.2003 г. Контекст связан с констатацией глобальных социальных преобразований, с одной стороны, и нехваткой финансовых средств, с другой: «...процессы глобализации и социальных преобразований, создавая условия для возобновления диалога между сообществами, вместе с тем являющиеся... источниками серьезной угрозы деградации, исчезновения и разрушения, которая нависла над нематериальным культурным наследием, в частности в результате нехватки средств для охраны такого наследия...» [10]. Если речь заходит об архитектуре, то этот термин, как правило, употребляется лишь представителями естественно-научного знания с целью показать раз-

рушения, наносимые водой, ветром и другими естественными причинами, как природными, так и техногенными [7], часто на уровне кейс-стади, с косвенным присутствием теории.

В отечественных источниках по архитектуре слово «деградация» иногда применяется без его концептуализации, как часть общего описания состояния исторических объектов. В одном из тематических словарей по реставрации, изданном в 1984 г., такого термина нет, все ограничивается перечнем технологий [5].

Мы считаем возможным ввести это понятие в профессиональную лексику специалистов по охране и актуализации историко-архитектурного наследия, привнося в него ряд совершенно новых смыслов, возможных в связи с изменениями проектной и управленческой парадигмы, — прежде всего, речь идет об отношении жителей и работников администраций к тому, что они сочтут «достойным» деградации, т. е. об учете субъективных факторов, которые не учитывались в «классическом» подходе². Подобные действия уже проделаны в отношении того, что с 1990-х гг. стали называть «культурными ландшафтами». Даже обычное, никем не защищаемое здание может быть старым, но не деградировавшим, если за ним есть надлежащий уход и оно включено в систему повседневных действий обитателей.

В первом приближении **деградацию историко-архитектурного объекта можно определить как утрату его функции и смысла для людей и территории, на которой находится этот объект, вызванную недооценкой его ценности и социально-экономического и культурного потенциала.**

Соответственно, **реабилитацией** будем называть нахождение и актуализацию новой функции (или нескольких функций) историко-архитектурного объекта с *учетом его типологии* [6], с одной стороны, и насущных потребностей места и его жителей, с другой.

Экономический аспект реабилитации деградирующих историко-архитектурных объектов

В специальной брошюре ЮНЕСКО 2011 г. говорится: «Городское наследие является ключевым ресурсом для улучшения удобства городских районов и способствует экономиче-

2 Например, в пособии ННГАСУ при работе с историческим наследием не предусмотрено никаких контактов с жителями и живой историей места [4].

скому развитию и социальной сплоченности в меняющейся глобальной обстановке» [11, 4]. Эта установка принципиально нова и задает новые ориентиры для работы с наследием, а именно, переход от консервации к реабилитации и актуализации.

Очень серьезно отношение к наследию в Японии. Как свидетельствует автор одной из статей, сохранение культурного наследия в буквальном смысле и образно представляет собой в Японии «большой бизнес». Японское правительство выделяет значительные ресурсы для обозначения наследия на местном, национальном и международном уровне, сохранение наследия играет центральную роль в стратегии развития японского туризма, от которого все больше и больше зависит экономика страны. Примечательно, что «многие местные общины убеждены в значимости туризма как пути к экономическому развитию. Они соперничают за наличие объектов наследия, признание их культурной ценности». Комбинация местных и национальных интересов в области наследия создает постоянно расширяющееся пространство, которое действует, по сути, как схема государственной санкционированной национальной истории и культурная ценность [9, 1]. Подобная общность местных и государственных интересов представляет собой колоссальную силу и, видимо, может рассматриваться как желаемая цель для нашей страны.

Особую роль японцы отводят индустриальному наследию. Так, исследование Агентства культуры по «современному наследию» (*kindai isan*) в 1992 г. выявило более 2 500 «важных культурных объектов» (*jūyō bunkazai*), связанных с индустриализацией. Распуская внимание государства к «японской индустриальной революции Мэйдзи» зафиксировано в списке объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в 2015 г., причем речь идет о сохранении места Японии в «европоцентристском мире» и об индустриальном наследии, помогающем компенсировать сокращение геополитического влияния страны [9, 2].

Естественно, что такой серьезный процесс не обходится без острых вопросов. «Темным наследием» революции Мэйдзи сегодня называют использование на предприятиях принудительного труда корейских и китайских рабочих, и от адекватности оценки зависят в данном случае в том числе и межгосударственные отношения, и отношения между государством и местными сообществами.

Но, по крайней мере, подобного рода информацию не замалчивают.

Европейские авторы менее идеологизированы. Они говорят о *прямых* и *непрямых* экономических эффектах работы с историко-архитектурным наследием. Непосредственный эффект дают социально-экономические последствия самого проекта, например, увеличение вместимости или качества экспозиции в музее, финансируемом государством, обычно связано с увеличением числа рабочих мест в музее. Другой вариант — поддержка центральных властей и рост цен на услуги для тех, кто приезжает в данное место [12, 4]. Опосредованные эффекты связаны в основном с активизацией местных ресурсов и общим подъемом местной экономики в результате ввода в действие того или иного объекта историко-архитектурного наследия.

Экологическая значимость реабилитации деградирующих историко-архитектурных объектов

Эта значимость обусловлена самым фактом их существования, который мало осмысливается в русскоязычных источниках. М. Мариа и ее соавторы отмечают: «Идея о том, что здания с низким энергопотреблением с уважением относятся к окружающей среде и что посредством строительства большого числа зданий такого типа мы выполним обещания, данные на саммите в Рио-де-Жанейро, с тем чтобы сократить выбросы CO₂ в 2005 г. до 25% от уровня, существовавшего в 1990 г., конечно, просто глупость. Новое здание никогда не экономит энергию, но оно генерирует новые потребности в энергии, а урбанизация в основном антиэкологична по отношению к новой земле [8, 3; перевод автора. — Т. Б.]. Нужно отдавать отчет в том, что восхваление нового строительства, даже самого «зеленого», диктуется определенным экономическим укладом и его потребностями, а не является культурной константой. Новизна — ориентир модерна, остающийся значимым и сегодня, но, прежде всего, для экономики, а не для природы или культуры.

Постепенно авторитетные общественные организации подтверждают своими решениями курс на использование существующего фонда. Например, начиная с Олимпиады 2012 г. в Лондоне Международный Олимпийский комитет учитывает у претендентов на проведение Игр предложения по временным и реновированным зданиям и выступает против мегапроектов, предполагаю-

щих строительство большого числа новых объектов.

К сожалению, эти шаги не вполне последовательны. В них, к примеру, не учитываются здания, группы зданий или районы города, которые не могут быть внесены в каталог как исторические или представляют особый интерес для наследия, даже если в них четко видны архитектурные качества, которые делают их легко трансформируемыми и адаптируемыми к новым видам использования (адаптивное повторное использование). Специалисты же подчеркивают, что именно они и должны быть включены в новые специальные планы защиты и сохранения в качестве базовой стратегии для экономии энергии и ресурсов.

Сказанное подводит к вопросу об оценке степеней деградации. Важнейшими критериями здесь выступают именно функционально-смысловые параметры историко-архитектурных объектов.

В целом все авторы выступают за максимальную целостность подхода в деле реабилитации историко-архитектурного наследия. При этом они подчеркивают не комплексный характер работы, а именно динамическую целостность объекта, с которым работают, — города или территории. «Наследие — это творческий динамический процесс, происходящий во многих измерениях, благодаря которому общество объединяет, защищает, обогащает и проецирует свою культуру», — отмечает автор [6, 1].

Чаще всего в современной практике преодоление деградации связано с поиском и реализацией **новой функции** [8] и, тем самым, появлением новых связей между объектом и городом, объектом и человеком. Далее приведен интереснейший список объектов разных веков, позволяющий укрепить (и проблематизировать) нашу трактовку деградации как функционального «расстройства» объекта:

«По всему городу есть показательные примеры: верфи Drassanes, созданные в XIII в., начиная с XVII в., выполняли различные военные и больничные функции, прежде чем стать Морским музеем в 1936 г.; благодаря Всемирной выставке 1888 г. армейские казармы Сьютаделлы были преобразованы в парк, каталонский парламент и Музей современного искусства, после чего с 1980 г. они снова служат для парламентской деятельности; большая цистерна Dipòsit de les Aigües в Сьютаделла, также с 1888 г., стала библиотекой Университета Помпеу Фабра

Таблица 1. Примеры функционально-смысловой реабилитации историко-архитектурных объектов Барселоны

Объект, тип объекта	Функции разных периодов	Экстерьер в современном состоянии	Интерьер в современном состоянии
Верфи Драссанс (Drassanes), XIII в.	Судостроение — больничные и военные функции — морской музей		
Казармы, Сьютаделла, начало XVIII в.	Казармы — парламент — парламент		
Цистерна Dipòsit de les Aigües, Сьютаделла, 1874 г., архитектор Й. Фонсер (Josep Fontserè)	Цистерна — выставочное пространство — архив больницы уголовного суда — киностудия — библиотека Универси- тета Помпеу Фабра (UPF) с 1999 г.		

в 1999 г.; в части больницы де ла Санта-Кро, построенной в 1401 г., с 1931 г. находится Библиотека Каталонии, другая часть в 1935 г. стала Массанской художественной школой... часовня была преобразована в выставочное пространство; Старая Каса-де-ла-Каритат в здании, построенном в 1749 г., с 1994 г. является Центром современной культуры Барселоны (СССВ), с 2011 г. ее бывшим театром — многоцелевым пространством, а фабрика Батло, построенная в 1875 г., реквизирована в конце XIX в. военным министерством, затем использовалась в качестве военного госпиталя, в начале XX в. стала Индустриальной школой и студенческой резиденцией, а часть комплекса впоследствии занята офисами правительства провинции Барселона» [8, 3; перевод автора. — Т. Б.]. Главное, что показывает перечень, — естественность смены назначения зданий и индустриальных объектов на протяжении их длительного существования. Наиболее старые уральские постройки более чем в три раза «моложе» барселонских, поэтому и отношение к историко-архитектурному наследию в России несколько иное.

Проиллюстрируем сказанное испанскими авторами Таблицей 1, объединяющей внешний архитектурный облик и функции названных ими объектов Барселоны.

Рассмотрение примеров показывает, что успешные проекты учитывали изменившееся назначение территории — из казарм и плаца Сьютаделла стала парком и центром города; не деформировали пространственную структуру объекта, сохраняя его основные типологические характеристики, хотя и прибегая к декорированию и фасадов, и интерьеров; напрямую отвечали на запросы не только города, но и отдельных групп людей, тем самым формируя новые функции и символические смыслы. Случай уникальной типологии — цистерны — сопровождается наибольшим количеством смены функций и нахождением новой, несколько кинематографичной, эстетики интерьера.

Заключение

В ходе анализа понятий «деградация» и «реабилитация» применительно к историко-архитектурным объектам установлено, что речь идет в первую очередь об утрате функций и смыслов объекта в отношении места (города, территории) и человека (жильца, пользователя, посетителя).

Поскольку понятия «деградация» и «реабилитация» охватывают широкий комплекс характеристик историко-архитектурного объекта, их критерии не могут быть сведены к какому-то одному показателю. По меньшей мере, это пять различных шкал оценок: степень физического разрушения объекта [2]; утрата функций в отношении места; утрата функций и смыслов для человека; отношение государства и отношение местного населения [1] к объекту.

Список использованной литературы

- 1 Быстрова Т. Ю., Певная М. В., Папулова А. А. Ресурсы культуральной регенерации уральских городов в оценках молодого поколения горожан // Вопросы управления. — 2018. — № 6 (36). — С. 177–187.
- 2 Крогиус М. Э., Чистяков А. Н. Типология разрушений памятников культуры. — СПб.: Изд-во «СПбКО», 2014. — 153 с.
- 3 Культурное наследие России и туризм / науч. ред. Ю. А. Веденин, О. Ю. Штеле, П. М. Шульгин. — М.: Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачева, 2005. — 172 с.
- 4 Методические указания по изучению историко-культурного наследия исторического поселения для магистрантов и аспирантов по специальности 05.23.20 — Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия / сост. А. В. Лисицына. — Н. Новгород: ННГАСУ, 2011. — 32 с.

- 5 A Glossary of Historic Masonry Deterioration Problems and Preservation Treatments. Compiled by Anne E. Grimmer. Department of the Interior National Park Service Preservation Assistance Division. — 1984. — 67 p.
- 6 Amine A. C. R., et al. Evolutionary Processes, Morphology and Typology of Historical Architecture as a Line of Research; a Tool for Conservation // Proceedings REAL CORP 2011. Tagungsband 18–20 May 2011, Essen. — P. 285–292.
- 7 Heritage Architecture Studies / ed. V. Echarri, C. A. Brebbia. — Southampton; Boston: WIT Press, 2018. — 386 p.
- 8 Maria M., Salvado N. Conservation of the Urban Heritage and Sustainability: Barcelona as a Paradigm // International Conference — Alternative and Renewable Energy Quest. AREQ 2017. 1–3 February 2017. Spain. — P. 29–40.
- 9 Tze M. Loo Japan's Dark Industrial Heritage: An Introduction // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. — 2017. — Vol. 15. Is. 1. — № 1. — P. 1–4.
- 10 Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Принята 17 октября 2003 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 01.07.2019).
- 11 Объявлены финалисты Второй Российской молодежной архитектурной биеннале [Электронный ресурс] // Arch speech. 09.07.2019. — URL: <https://archspeech.com/article/objavleny-finalisty-vtoroj-rossijskoj-molodezhnoj-arhitekturnoj-biennale> (дата обращения: 10.07.2019).
- 12 Bowitz E., Ibenholt K. Economic Impacts of cultural heritage — research and perspectives. Working Paper 2006–003. ECON. 22 p. [Электронный ресурс]. — URL: <https://pre.niku.no/wp-content/uploads/2017/10/WP-2006-003EBOEconomicImpactsofculturalheritage-researchandperspectives3.pdf> (дата обращения: 07.01.2019).
- 13 Napolitano P. The Socio-Economic Impact of the Cultural Heritage on the Communities [Электронный ресурс]. — URL: <http://digicult.it/news/the-socio-economic-impact-of-the-cultural-heritage-on-the-communities> (дата обращения: 03.01.2019).
- 14 What is degraded land? [Электронный ресурс] // World Resources Institute. — URL: <https://www.wri.org/faq/what-degraded-land> (дата обращения: 20.07.2019).
- 5 A Glossary of Historic Masonry Deterioration Problems and Preservation Treatments. Compiled by Anne E. Grimmer. Department of the Interior National Park Service Preservation Assistance Division. — 1984. — 67 p.
- 6 Amine A. C. R., et al. Evolutionary Processes, Morphology and Typology of Historical Architecture as a Line of Research; a Tool for Conservation // Proceedings REAL CORP 2011. Tagungsband 18–20 May 2011, Essen. — P. 285–292.
- 7 Heritage Architecture Studies / ed. V. Echarri, C. A. Brebbia. — Southampton; Boston: WIT Press, 2018. — 386 p.
- 8 Maria M., Salvado N. Conservation of the Urban Heritage and Sustainability: Barcelona as a Paradigm // International Conference — Alternative and Renewable Energy Quest. AREQ 2017. 1–3 February 2017. Spain. — P. 29–40.
- 9 Tze M. Loo Japan's Dark Industrial Heritage: An Introduction // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. — 2017. — Vol. 15. Is. 1. — № 1. — R. 1–4.
- 10 Konvenciya ob ohrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya. Prinyata 17 oktyabrya 2003 g. General'noj konferenciej Organizacii Ob'edinennyh Nacij po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (data obrashcheniya: 01.07.2019).
- 11 Ob'yavleny finalisty Vtoroj Rossijskoj molodezhnoj arhitekturnoj biennale [Elektronnyj resurs] // Arch speech. 09.07.2019. — URL: <https://archspeech.com/article/objavleny-finalisty-vtoroj-rossijskoj-molodezhnoj-arhitekturnoj-biennale> (data obrashcheniya: 10.07.2019).
- 12 Bowitz E., Ibenholt K. Economic Impacts of cultural heritage — research and perspectives. Working Paper 2006–003. ECON. 22 p. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://pre.niku.no/wp-content/uploads/2017/10/WP-2006-003EBOEconomicImpactsofculturalheritage-researchandperspectives3.pdf> (data obrashcheniya: 07.01.2019).
- 13 Napolitano P. The Socio-Economic Impact of the Cultural Heritage on the Communities [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://digicult.it/news/the-socio-economic-impact-of-the-cultural-heritage-on-the-communities> (data obrashcheniya: 03.01.2019).
- 14 What is degraded land? [Elektronnyj resurs] // World Resources Institute. — URL: <https://www.wri.org/faq/what-degraded-land> (data obrashcheniya: 20.07.2019).

References

- 1 Bystrova T. Yu., Pevnaya M. V., Papulova A. A. Resursy kul'tural'noj regeneracii ural'skih gorodov v ocenkah molodogo pokoleniya gorozhan // Voprosy upravleniya. — 2018. — № 6 (36). — S. 177–187.
- 2 Krogius M. E., Chistyakov A. N. Tipologiya razrushenij pamyatnikov kul'tury. — SPb.: Izd-vo «SPbKO», 2014. — 153 s.
- 3 Kul'turnoe nasledie Rossii i turizm / nauch. red. Yu. A. Vedenin, O. Yu. Shtelev, P. M. Shul'gin. — M.: Ros. nauch.-issled. in-t kul'tur. i prirod. naslediya im. D. S. Lihacheva, 2005. — 172 s.
- 4 Metodicheskie ukazaniya po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya istoricheskogo poseleniya dlya magistrantov i aspirantov po special'nosti 05.23.20 — Teoriya i istoriya arhitektury, restavraciya i rekonstrukciya istoriko-arhitekturnogo naslediya / sost. A. V. Lisicyna. — N. Novgorod: NNGASU, 2011. — 32 s.

Tatiana Bystrova

Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Ural Federal University, Chief scientific officer «TsNIIIP Minstroy Russia», Ekaterinburg, Russian Federation
e-mail: taby27@yandex.ru

Статья поступила в редакцию в июле 2019 г.
Опубликована в сентябре 2019 г.